

ОПРЕДЕЛЕНИЕ АГРЕССИИ В СТАТУТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И УСТАВЕ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА

И. С. МАРУСИН*

Марусин Игорь Станиславович,
доктор юридических наук,
профессор юридического
факультета СПбГУ

Данная статья посвящена анализу и сопоставлению определения агрессии как уголовно наказуемого деяния физических лиц, даваемого в уставе Нюрнбергского трибунала 1945 г. и в Статуте Международного уголовного суда в соответствии с изменениями, внесенными Ассамблеей государств — участников Суда в 2010 г. Отмечается, что государства — участники Международного уголовного суда в данном вопросе последовали примеру Нюрнбергского трибунала и ограничили круг лиц, несущих уголовную ответственность за агрессию лишь высшими государственными и военными руководителями и освободили от нее нижестоящих исполнителей, т. е. генералов, офицеров и рядовых, непосредственно и осуществляющих действия, квалифицируемые как агрессия. Этим агрессия отличается от других видов международных преступлений, например, от геноцида, к ответственности за который привлекаются все, принимавшие участие в его совершении, — и руководители, и исполнители.

В отличие от положений Устава Нюрнбергского трибунала, новые нормы, вносимые в Статут Международного уголовного суда, указывают круг лиц, подлежащих ответственности за агрессию. Это лица, которые в состоянии фактически осуществлять контроль за политическими или военными действиями государства-агрессора или фактически руководить ими. Однако никаких критериев, позволяющих определить, осуществляло данное лицо фактический контроль или фактически руководило действиями государства, ни в самом Статуте Международного уголовного суда, ни в иных нормативных актах Суда не содержится. На этом основании делается вывод о том, что новые положения Статута Международного уголовного суда, посвященные агрессии, допускают возможность различного подхода к сходным ситуациям и оставляют слишком большой простор для судебного усмотрения.

* Marusin Igor Stanislavovich — doctor of legal sciences, professor of the Law Faculty, St. Petersburg State University.

© Марусин И. С., 2013

E-mail: igormarusin@list.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное право, международное уголовное право, Международный уголовный суд, международные преступления, агрессия.

MARUSIN I. S. DEFINITION OF AGGRESSION IN THE STATUTE OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT AND IN THE CHARTER OF THE NUREMBERG TRIBUNAL
This article is devoted to the analysis and comparison between the definitions of aggression as a criminal offence committed by natural persons which are given in the Charter of the Nuremberg Tribunal 1945 and in the Statute of the International Criminal Court as amended by the Assembly of States Parties of the International Criminal Court in 2010. The author notes that States Parties of the International Criminal Court followed the example of the Nuremberg Tribunal and restricted the scope of persons bearing criminal liability for aggression only to supreme state and military leaders and relieved subordinate performers, that is generals, officers, and common soldiers who commit actions qualified as aggression, from the liability. This fact constitutes a distinction between aggression and other international crimes, such as genocide. In the latter case everyone who took part in its commitment — both leaders and performers — shall be held liable.

As opposed to the provisions of the Charter of the Nuremberg Tribunal, new rules included in the Statute of the International Criminal Court identify the persons who are to be held liable for aggression. These are persons who are able to actually control political and military actions of an aggressor state or to be actually in charge of them. However, neither the Statute of the International Criminal Court nor any other regulations of the Court contain any criteria which would enable to define whether the concerned person has actually controlled or has actually been in charge of the state's actions. Therefore, the author concludes that the new provisions of the Statute of the International Criminal Court devoted to aggression allow for the possibility of a different approach to similar situations affording wide judicial discretion.

KEYWORDS: international law, international criminal law, the International Criminal Court, international crimes, aggression.

В июне 2010 г. Ассамблея государств — участников Международного уголовного суда приняла резолюцию, содержащую определение состава такого преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда, как агрессия. Данное преступление изначально, при подготовке к созданию Суда, было включено в список преследуемых Судом деяний и содержится в ст. 5 Статута Суда, определяющей преступления, подпадающие под его юрисдикцию, но при выработке окончательного текста Статута Суда на конференции в Риме в 1998 г. государства-участники не смогли достичь договоренности о конкретной формулировке, определяющей состав данного международного преступления.¹ По оценке исследовавших данную проблему ученых, основные разногласия при выработке формулировки агрессии можно свести к следующим: 1) можно ли расширить перечень актов, считаемых агрессией, по сравнению с уже существующим; 2) может ли Суд считать

¹ *Schabas W. A. The unfinished work of defining aggression // The permanent International Criminal Court. Oxford and Portland, 2004. P. 123–141; Глотова С. В. Преступление агрессии и Римский Статут Международного Уголовного Суда // Международный Уголовный Суд: проблемы, дискуссии, поиск решений. М., 2008. С. 187–202.*

какое-либо деяние агрессией, даже если Совет Безопасности ООН не определил его как таковое.²

К 2010 г. разногласия были преодолены,³ и в соответствии со ст. 123 Статута Международного уголовного суда, предусматривающей, что через 7 лет после его вступления в силу генеральный секретарь ООН созывает конференцию государств-участников по пересмотру положений Статута Суда, такая конференция была созвана в Кампале (Уганда). Государства — участники Суда приняли дополнения в текст Статута Суда (ст. 8 bis, 15 bis и 15 ter)⁴, посвященные основаниям и порядку привлечения Судом к уголовной ответственности лиц, обвиняемых в совершении агрессии.

Криминализация на международно-правовом уровне такого деяния, как агрессия, впервые была осуществлена в Уставе Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси Берлин — Рим — Токио 1945 г., более известного под названием Нюрнбергского трибунала, перед которым предстали высшие политические и военные руководители фашистской Германии. В ст. 6 этого Устава среди деяний, подпадающих под юрисдикцию Трибунала и влекущих за собой индивидуальную уголовную ответственность, в п. а) указаны преступления против мира, а именно планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений и заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий.⁵ Однако в уставах международных уголовных судебных учреждений, созданных впоследствии, например, таких как Международный трибунал по бывшей Югославии, Международный трибунал по Руанде, Специальный суд по Сьерра-Леоне, агрессия в число преступлений, на которые распространяется юрисдикция данных органов, не включалась. Это объясняется тем, что вооруженные конфликты, в ходе которых и были совершены преследуемые данными международными судебными учреждениями преступления, носили (в основном) внутригосударственный характер. Таким образом, только после принятия ст. 8 bis Статута Международного уголовного суда агрессия опять введена в число деяний, подпадающих под юрисдикцию международного судебного органа.

Говоря об агрессии, необходимо различать агрессию как деяние государства, за которое они могут быть привлечены к международно-правовой ответственности, и агрессию как уголовное преступление, совершаемое физическими лицами, за которое они могут понести уголовно-правовую ответственность. Определение агрессии как деяния государства было дано в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 3314 (XXIX) от 14 декабря

² *Hartstein R. Materielles Völkerstrafrecht // Völkerstrafrecht. Osnabrück, 2007. S. 120.*

³ Подробнее см.: *Кузьменков С. Ю.* Разработка определения агрессии в рамках Ассамблеи государств — участников Статута Международного уголовного суда // *Международное право — International Law. 2007. № 1. С. 114–126.*

⁴ Текст данных дополнений на официальных языках ООН приведен на сайте Международного уголовного суда www.icc-cri.int. Подробнее о ходе и итогах конференции см.: *Трикоз Е. Н.* Кампальская конференция по международному уголовному правосудию // *Международное уголовное право и международная юстиция. 2011. № 1. С. 20–23; Богущ Г. И.* Обзорная конференция по Римскому статуту: новые горизонты международного уголовного правосудия // *Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 5. С. 87–95.*

⁵ *Действующее международное право: В 3 т. / Сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М., 1997. Т. 3. С. 764–765.*

1974 г. В нем указывается, что актом агрессии является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости другого государства или каким-либо иным образом, несовместимым с Уставом ООН.⁶ Далее приводятся семь различных случаев, которые должны квалифицироваться как акт агрессии, в том числе вторжение вооруженных сил одного государства на территорию другого государства, бомбардировка или использование любого оружия вооруженными силами одного государства против территории другого государства, нападение вооруженных сил одного государства на сухопутные, морские или воздушные силы другого государства и т. д. Определение агрессии 1974 г. практически дословно и со ссылкой на него воспроизводится в тексте ст. 8 bis.

С точки зрения обычной правоприменительной практики признание перечисленных в ст. 8 bis деяний преступными и уголовно наказуемыми должно означать, что уголовную ответственность за них должны нести все лица, участвовавшие в совершении данных деяний, как организаторы, так и непосредственные исполнители. Иными словами, если государство А совершит акт агрессии против соседнего государства Б, то при таком подходе уголовную ответственность за это должны нести как глава государства и верховный главнокомандующий государства А, отдавшие приказ о нападении на государство Б, так и все военнослужащие, включая и рядовых, данный приказ исполнившие.

Однако уже при подготовке Нюрнбергского процесса 1945 г. круг лиц, ответственных за акты агрессии, совершенные Германией, был предельно сужен до высших политических и военных руководителей страны. Миллионы немецких и австрийских генералов, офицеров, солдат непосредственно осуществивших вооруженное нападение, например, в 1941 г. на Югославию и Советский Союз, ни к какой ответственности за это не привлекались. Тем же путем пошли и государства — участники Международного уголовного суда. Еще на стадии подготовки текста Статута Международного уголовного суда между государствами-участниками по данному вопросу, как отметил немецкий исследователь М. Хуммрих, был достигнут консенсус по следующим пунктам: 1) угроза агрессии ненаказуема; 2) уголовную ответственность за агрессию могут нести только политические и военные руководители государства-агрессора.⁷ Статья 8 bis, принятая в 2010 г., определяет состав агрессии как уголовного преступления следующим образом: планирование, подготовка, инициирование или осуществление акта агрессии лицом, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими и военными действиями государства.

Благодаря такому существенному сужению круга лиц, подлежащих ответственности за агрессию, это деяние стоит особняком среди других международных преступлений. Так, за геноцид и преступления против человечности к уголовной ответственности привлекаются и организаторы, и непосредственные исполнители, хотя размеры налагаемого на них наказания, разумеется, различны.

Можно высказать различные предположения о причинах столь снисходительного отношения к непосредственным исполнителям такого тяжчайшего преступления, как агрессия. Вероятно, в данной ситуации можно

⁶ Там же. 1996. Т. 2. С. 200.

⁷ *Hummrich M. Die völkerrechtliche Strafbestand der Aggression. Baden-Baden, 2001. S. 171.*

говорить о превышении пределов возможностей уголовно-правового механизма. Одноразово к уголовной ответственности можно привлечь сто, двести, тысячу человек, но пятьсот тысяч или миллион — нельзя. Ни одна судебная система не справится с таким количеством обвиняемых, не лишая их основных процессуальных прав. При этом и управление государством, в котором одновременно возникнет такое количество обвиняемых, было бы крайне затруднено. Возможно, именно в силу данных соображений государства — победители во Второй мировой войне не стали привлекать к ответственности за агрессивные войны, развязанные Германией, участвовавших в них и своим участием сделавших их возможными немецких военнослужащих.

Тем же путем пошли и государства — участники Международного уголовного суда. Правда, в Уставе Нюрнбергского трибунала круг лиц, подлежащих ответственности за агрессию, точно не определялся. Всем подсудимым на Нюрнбергском трибунале согласно формулировке ст. 6 Устава могло быть предъявлено такое обвинение, но при этом круг подсудимых на Нюрнбергском трибунале был определен индивидуально. Например, в их число был включен (и приговорен к смертной казни) генерал-полковник А. Йодль, начальник штаба Верховного командования вермахта (ОКВ), руководивший ходом боевых действий немецких войск в Северной Африке, Италии и во Франции, но не были включены генерал-полковники Ф. Гальдер и Г. Гудериан, занимавшие пост начальника штаба Верховного командования сухопутных войск (ОКХ) и непосредственно руководившие ходом боевых действий немецких войск на советско-германском фронте.

В отличие от Устава Нюрнбергского трибунала вновь принятая ст. 8 bis Международного уголовного суда указывает круг лиц, подлежащих ответственности за агрессию. Это, во-первых, лица, которые в состоянии фактически осуществлять контроль за политическими или военными действиями государства, и, во-вторых, лица, которые в состоянии фактически руководить политическими или военными действиями государства.

В первую очередь обратим внимание на использование выражения «фактически» руководить действиями государства. Его использование означает, что к ответственности за осуществление акта агрессии могут быть привлечены не все лица, формально-юридически имеющие власть для осуществления акта агрессии, как то глава государства, глава правительства или верховный главнокомандующий, а лишь те из них (или даже из числа лиц, таких формально-юридических полномочий не имеющих), кто фактически обладал такой властью. Каких-либо критериев для отличия, например, главы государства, который фактически руководит действиями государства, от главы государства, который фактически ими не руководит, нет, и, значит, до появления устоявшейся судебной практики вопрос о том, кто из высших должностных лиц государства может быть привлечен к уголовной ответственности в Международном уголовном суде за совершение акта агрессии, а кто нет, будет решаться судебным усмотрением. Об одном можно говорить уверенно уже сейчас: даже занятие лицом должности главы правительства или главы государства, совершившего агрессию, не означает автоматической ответственности в Международном уголовном суде данного лица за этот акт агрессии.

Очевидно, что тем же судебным усмотрением будет определяться круг лиц, осуществляющих руководство политическими или военными действиями государства. Рассмотрим такую ситуацию. Командующий приграничным военным округом предложит предпринять военное нападение на территорию соседнего государства. Это предложение поддержит

и начальник генерального штаба, и министр обороны, после чего оно будет одобрено правительством и осуществлено войсками приграничного военного округа. Кто в данном примере фактически осуществлял руководство военной акцией? Представляется, что формулировка ст. 8 bis позволяет Международному уголовному суду привлечь к ответственности всех упомянутых выше лиц — члены правительства осуществляли фактическое политическое руководство актом агрессии, а начальник Генерального штаба и командующий приграничным военным округом — фактическое военное руководство. Однако не будет противоречить формулировке ст. 8 bis и такая трактовка: начальник Генерального штаба и командующий военным округом не несут ответственности, поскольку всего лишь выполняли приказ, а ответственность членов правительства можно будет определить, лишь решив вопрос о пределах ответственности члена коллегиального органа за его решения, которые пока что ни в Статуте Международного уголовного суда, ни в его Правилах процедуры и доказывания не разработаны.

Норма ст. 8 bis об ответственности за агрессию лиц, которые в состоянии фактически осуществлять контроль за политическими или военными действиями государства, очевидно относится в первую очередь к высшим должностным лицам государства, обязанным пресекать противоправные действия подчиненных им иных должностных лиц. Немного видоизменим ранее рассмотренный пример. Предположим, что командующий войсками приграничного военного округа, не дождавшись ответа из столицы на свое предложение, отдаст приказ подчиненным ему войскам напасть на соседнее государство. В этом случае его личная ответственность за данный акт агрессии будет очевидной.⁸ Но кто еще может быть привлечен к ответственности Международным уголовным судом за данное деяние? Точного ответа ст. 8 bis не дает. Это могут быть все непосредственные начальники данного ретивого командующего приграничного округа, включая и главу государства, а может быть и никто, если Суд придет к выводу, что никто не мог фактически контролировать его действия.

Однако, как представляется, наибольшая трудность в применении ст. 8 bis на практике будет состоять не в определении круга лиц, ответственных за акт агрессии, а в квалификации того или иного действия государства как акта агрессии. В качестве примера приведем события в Ираке весной 2003 г. Казалось бы, действия США и их союзников по антииракской коалиции прямо подпадают под п. а) ст. 3 Определения агрессии 1974 г. — вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения. Но большинство и политических деятелей, и ученых западных стран это вторжение в Ирак в 2003 г. агрессивной войной не считают. Вот,

⁸ Обратим внимание на разницу между английским и русскими текстами ст. 8 bis. В английском тексте речь идет о контроле, или руководстве, «акцией», «действием» государства — в единственном числе; в русском же переводе, опубликованном на сайте Международного уголовного суда, говорится о контроле и руководстве «действиями» государства — во множественном числе. Представляется, что такая неточность перевода на русский язык имеет и смысловое значение. В английском тексте ст. 8 bis речь идет не о лицах, контролирующих действия государства или руководящих ими, а о лицах, руководящих проведением конкретной акции или контролирующих проведение данной конкретной акции, которая рассматривается как агрессия. В данном примере командующий войсками приграничного военного округа очевидно руководит «акцией» своего государства, но назвать его руководящим «действиями» государства вряд ли можно.

например, позиция немецкого ученого Г. Верле, ссылающегося на мнения К. Кресса и Д. Штернберг-Либена: «Эта акция не была агрессивной войной, даже если согласиться с тем, что она противоречила международному праву, поскольку союзники не были заинтересованы в аннексировании или подчинении Ирака».⁹ Конечно, с такой позицией согласиться трудно. Во-первых, непонятно, откуда нам, посторонним наблюдателям, может быть известно, в чем именно на самом деле было заинтересовано правительство США, предпринимая такую дорогостоящую военную операцию за тысячи километров от границ США. Во-вторых, изучение текста Определения агрессии 1974 г. (и принятой на его основе ст. 8 bis Статута Международного уголовного суда) показывает, что для установления акта агрессии намерения государства, осуществившего его, значения не имеют. В п. 1 ст. 5 Определения агрессии 1974 г. ясно говорится, что никакие соображения любого характера (политического, экономического, военного и т. п.) не могут служить оправданием агрессии. Таким образом, даже если поверить в то, что, осуществляя вторжение в Ирак, правительство США стремилось за счет своих налогоплательщиков принести счастье и процветание населению Ирака, а не установить в этой богатой запасами нефти стране покорный себе режим, то какого-либо значения для оценки действий правительства США эта вера иметь не будет.

Случай с Ираком ясно показывает, насколько сложно будет Международному уголовному суду квалифицировать определенные действия какого-либо государства как акт агрессии. Как известно, при подготовке Статута Международного уголовного суда некоторые постоянные члены Совета Безопасности ООН считали, что агрессией можно считать лишь действия, квалифицированные в качестве таковых Советом Безопасности ООН.¹⁰ Если бы такое предложение было принято, то это означало бы, что действия любого из постоянных членов Совета Безопасности никогда бы не были признаны агрессией, поскольку соответствующее государство имеет возможность наложить вето на резолюцию, в котором его действия квалифицируются в качестве таковой.

Однако данное предложение в итоге принято не было. Статья 15 bis Статута Международного уголовного суда устанавливает следующий порядок возбуждения в Суде дела по обвинению в совершении агрессии. Если Обвинитель (прокурор) Суда придет к выводу о наличии достаточных оснований для начала уголовного преследования определенного лица по данному обвинению, то он должен прежде всего выяснить, квалифицировал ли Совет Безопасности ООН действия, рассматриваемые сейчас Обвинителем (прокурором), как агрессию, а также уведомить Генерального секретаря ООН о своих намерениях, предоставив ему все необходимые материалы и документы. Если такая квалификация Советом Безопасности уже была осуществлена, а также если Совет Безопасности не дал никакой оценки данной ситуации и не даст ее в течение 6 месяцев после уведомления Обвинителем (прокурором) Генерального секретаря ООН о своем намерении начать уголовное преследование, то Обвинитель (прокурор) Суда вправе продолжить производство по данному делу в обычном порядке. Таким образом, Совет Безопасности ООН может, квалифицировав

⁹ Верле Г. Принципы международного уголовного права. Одесса; М., 2011. С. 660.

¹⁰ *Arsanjani M. H.* The Rome Statute of the ICC // American journal of international law. 1999. N 1. P. 29. — О разногласиях по этому вопросу в Подготовительном комитете Международного уголовного суда см. также: *Колодкин Р. А.* О Международном Уголовном Суде // Российский ежегодник международного права. 1996–1997. СПб., 1998. С. 231–232.

определенные действия не как агрессию, тем самым остановить производство по данному делу в Международном уголовном суде. Но если Совет Безопасности не сможет дать квалификацию определенной ситуации (как и было в ситуации с Ираком в 2003 г.), то в этом случае Международный уголовный суд сможет действовать в соответствии со своей оценкой.

Однако квалификация действий определенного государства как агрессии еще не означает, что лица, руководившие данными действиями или осуществлявшие контроль за ними, подлежат ответственности в Международном уголовном суде. Статья 8 bis устанавливает уголовную ответственность не просто за акт агрессии, а за акт агрессии, который в силу своего характера, серьезности или масштаба является грубым нарушением Устава Организации Объединенных Наций.¹¹ В данном случае смысл введения такого ограничения понятен. Государства — участники Международного уголовного суда желают, чтобы этот международный орган рассматривал действительно значительные, серьезные преступления. Так, даже единственный обстрел территории иностранного государства согласно Определению 1974 г. и ст. 8 bis Статута Международного уголовного суда должен рассматриваться как акт агрессии, однако если данный инцидент будет быстро улажен, то во вмешательстве Международного уголовного суда очевидно нет необходимости. И в данном случае положения Статута Международного уголовного суда принципиально сходны с положениями Устава Нюрнбергского трибунала, предусматривающими ответственность лишь за развязывание и ведение агрессивной войны, а не за любые одиночные акты применения вооруженной силы.

С такой позицией государств — участников Международного уголовного суда можно было бы согласиться, если бы в тексте Статута или в Правилах процедуры и доказывания были бы приведены критерии отличия очевидного (грубого) нарушения Устава ООН. Но их нет. В Добавлении к «Элементам преступлений», принятым одновременно с изменениями в Статут Международного уголовного суда, лишь указывается, что термин «очевидный» является объективной характеристикой (ст. 8 bis, п. 3 Введения). Это означает, что субъективная оценка лицом своих действий как правомерных или как нарушающих положения Устава ООН, но не грубо, не освобождает его от ответственности. Оценка определенных действий должна носить объективный характер, но, повторим еще раз, критерии этой оценки в нормативных актах, на основании которых Международный уголовный суд должен принимать свои решения, отсутствуют.

Такое положение дает возможность по-разному квалифицировать весьма сходные ситуации. Пример такой различной квалификации дает нам практика Международного трибунала по бывшей Югославии. Известно, с какой похвальной непреклонностью обвинитель и судьи этого международного судебного органа преследовали и преследуют серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные гражданами Сербии. Но вот убийства гражданских лиц, совершенные военнослужащими стран НАТО во время воздушных налетов на Сербию и Черногорию весной 1999 г. (например, при разрушении телецентра в Белграде погибли 16 человек, были ранены 16, а при разрушении железнодорожного моста

¹¹ Здесь необходимо отметить еще одно различие между английским и русским текстами ст. 8 bis. То, что в русском тексте переведено словом «грубый», в английском тексте обозначается словом «manifest» — «очевидный». Понятно, что эти определения близки друг к другу, но не идентичны. Могут быть грубые, но не очевидные нарушения, и наоборот.

Лесковац над ущельем Грделица погибли 10 человек, были ранены 15), не были расценены Обвинителем Трибунала как достаточные основания для уголовного преследования лиц, совершивших эти деяния.¹²

Подведем итог. Принятие Ассамблеей государств — участников Международного уголовного суда дополнений в Статут Суда, делающих возможным привлекать к ответственности в этом международном органе лиц, виновных в совершении актов агрессии, — бесспорно, важный этап в развитии современного международного уголовного права. Можно отметить, что, формулируя положения соответствующих норм Статута, государства — участники Международного уголовного суда во многом следовали за положениями Устава Нюрнбергского трибунала, ограничив круг лиц, ответственных за агрессию, лишь высшими политическими и военными руководителями государства-агрессора и определив в качестве подпадающих под юрисдикцию Суда деяний не все акты неправомерного применения вооруженных сил в нарушение Устава ООН, а лишь наиболее серьезные из них.

Вместе с тем основания привлечения к ответственности за агрессию сформулированы в принятых дополнениях в Статут Международного уголовного суда так, что допускают возможность различного подхода к сходным ситуациям и оставляют слишком большой простор для судебного усмотрения. Хочется выразить надежду, что в дальнейшем в принятый в 2010 г. текст ст. 8 bis Статута Международного уголовного суда будут вноситься поправки, позволяющие конкретизировать ее положения и расширить круг лиц, подлежащих ответственности за совершение агрессии, распространив ее, например, на генералов и старших офицеров воинских частей, непосредственно осуществляющих нападение на иностранное государство.

¹² Подробнее об этом см.: Бахин С. В. Итоговое заключение комитета экспертов Международного Трибунала по бывшей Югославии относительно кампании бомбардировок НАТО // Российский ежегодник международного права. 2001. Специальный выпуск. СПб., 2001.